

УДК 316.42:316.75:008

Грани исторической ответственности

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Важным фактором исторического процесса, его интерпретации, является историческая ответственность.

Цель статьи – анализ феномена исторической ответственности.

Материал и методы. Материалом выступают различные проявления и грани исторической ответственности. Авторами использованы общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.

Результаты и их обсуждение. Историческая ответственность проявляется как общественное отношение субъекта ответственности и инстанции; как определенное качество акторов общественных процессов; как ответственность интерпретатора исторических событий.

В широком смысле историческая ответственность – это ответственность перед историей, за судьбы миллионов людей. Речь идет не просто о сохранении исторической памяти, знаний о прошлом, но и о будущем страны, определенном действиями субъектов общественных отношений.

Заключение. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Вот почему возрастает ответственность исследователей за интерпретацию исторического наследия. История – это не просто политика, опрокинутая в прошлое, она является частью современной политики.

Ключевые слова: социальная ответственность, историческая ответственность, политическая целесообразность, интерпретация прошлого, мораль и политика.

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 85–90)

Facets of Historical Responsibility

Krivososova E.E., Rudkovski E.I.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

An important factor of the historical process, its interpretation, is historical responsibility.

The purpose of the article is analysis of the phenomenon of historical responsibility.

Material and methods. The research material is different manifestations and facets of historical responsibility. The authors used general logical and generally accepted methods of theoretical research.

Findings and their discussion. Historical responsibility manifests itself as a public relation of the subject of the responsibility and instance; as a quality of actors of social processes; as a responsibility of the interpreter of historic events.

In a wide sense, historical responsibility is the responsibility to history for destinies of millions of people. It's not just preservation of historical memory, knowledge of not only the past but also the future of the country which is determined by the actions of the subjects of public relations.

Conclusion. The insight into the past determines the insight into the future. That is why responsibility of the researchers for the interpretation of historical heritage increases. History is not just politics turned into the past; it is a part of current politics.

Key words: social responsibility, historical responsibility, political expediency, interpretation of the past, moral and politics.

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 85–90)

Камни прошлого – это ступени будущего.
Китайская пословица

Историческая ответственность является одним из видов социальной ответственности. Мы исходим прежде всего из того, что социальная ответственность – это не менее широкая категория, чем свобода, и следовательно, является категорией социальной фило-

софии. Она представляет собой обобщенное выражение всех видов ответственности (моральной, юридической, политической, исторической и т.д.), т.е. вбирает в себя те наиболее общественно значимые стороны и черты, которые свойственны этим видам. Вполне правомерно и должно

Адрес для корреспонденции: e-mail: crielena@yandex.ru – Е.Э. Кривоносова

исследовать отдельные виды социальной ответственности, но нельзя сводить все ее содержание – а это иногда делается – к некоторым из них. Как нельзя ограничить одной какой-то сферой свободу человека, так нельзя ограничить этой сферой и его ответственность. Соотношение социальной ответственности и ее видов можно представить как диалектическую связь общего и отдельного, где общим является социальная ответственность, а отдельным – каждый из ее специфических видов. Общее существует в отдельном и через отдельное, в то же время не исчерпывается отдельным.

Конкретные виды социальной ответственности определяются той системой закономерно сложившихся отношений, внутри которых они возникли и существуют в своей качественной определенности. Каждый из них может успешно восполнять и выполняет свои функции лишь постольку, поскольку является выражением единой сущности (социальная ответственность).

Социальная ответственность выражает определенное отношение между личностью и обществом не по частям, не какой-либо одной стороной, а интегрально. Отдельные виды социальной ответственности выступают как элементы системы. Они тесно взаимосвязаны и нередко переплетаются. Однако в каждом конкретном случае обычно употребляется какое-то одно понятие в зависимости от того, какой срез в деятельности человека нам важно подчеркнуть, выделить.

Цель статьи – анализ феномена исторической ответственности.

Материал и методы. Материалом исследования выступают различные проявления и грани содержания исторической ответственности. Используются общелогические методы и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному). В статье применены материалы, ранее опубликованные одним из авторов [1].

Результаты и их обсуждение. В содержании исторической ответственности можно выделить три грани:

- историческая ответственность как общественное отношение субъекта ответственности и инстанции;
- как характеристика, определенное качество деятельности субъектов общественных процессов;
- как ответственность интерпретатора исторических событий.

В широком смысле историческая ответственность – это ответственность перед историей, ответственность за судьбы миллионов людей, их судьбы. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое

теми или иными действиями акторов общественных отношений.

Историческая ответственность как отношение – «это сложный социальный феномен, предполагающий выстраивание таких отношений по поводу прошлого или будущего, а возможно и двунаправленных отношений, затрагивающих репрезентацию прошлого в будущем, или будущего как проекцию прошлого, которые осуществляются и отдельными людьми, и различными общностями на фоне переживания чувств вины, возмездия, покаяния или признания заслуг» [2, с. 31]. Отметим, что содержание исторической ответственности как общественного отношения нельзя сводить к ее негативному аспекту, к вменению вины, наказанию ответственных путем судебных разбирательств, репараций и т.п. При этом часто случается так, что инстанция ответственности становится ее субъектом. К примеру, последующие после тех или иных событий поколения отвечают за события, совершенные предшественником. Признавая свою историческую вину за прошлое, такие сообщества выступают и ответствующими, и инстанцией (ответственность поколений). Историческая ответственность предстает как актуальное отношение между участниками события и их потомками, она предполагает создание условий, при которых их повторение оказывается невозможным. Другими словами, речь идет уже не просто о ретроспективной, а о перспективной ответственности, ответственности за будущее.

Таким образом, историческая ответственность как отношение приобретает различные формы репрезентации: «платы по долгам прошлого», «борьбы за восстановление справедливости», «заботы о будущем» [2, с. 61].

Историческая ответственность выступает как качество субъектов общественных отношений, как умение и способность не навредить своей стране, защитить ее национальные интересы, максимальная моральность принимаемых решений и средств их реализации. Полагаем, что историческую ответственность нельзя сводить к ее нравственному содержанию. Так, например, Е.В. Беляева определяет историческую ответственность как позитивный нравственный феномен, связанный с категориями добра, свободы и смысла, представляющий собой нравственную добродетель. Она предлагает способность восстанавливать, поддерживать и создавать нравственную справедливость в историческом действии [3].

Возникает вопрос: можно ли те или иные события, решения, акции оценивать только с позиций добра и зла? Вольно учитывать и политическую целесообразность, конечные результаты принятых решений и акций. К примеру, юридическая

и моральная ответственность тесно связаны, но не всегда совпадают. Если оценивать политику М.С. Горбачева, то ее, пожалуй, трудно назвать нравственной, однако ее следствием стала гигантская геополитическая катастрофа XX века. В этой связи возникают проблемы соотношения политической целесообразности и нравственности, политики и морали.

Проблема соотношения морали и политики всегда актуальна, противоречива, является для политиков своеобразной вечной «загадкой Сфинкса», которая как бы говорит государственным руководителям: или разгадайте мою загадку, или я уничтожу объект вашей власти. Данной проблеме посвящены многочисленные исследования в истории философской и политической мысли. В данном случае отметим, что противоречивые соотношения морали и политики должно рассматривать исторически. «Оно возникает и осуществляется при стечении определенных обстоятельств. Эти обстоятельства, складываясь эпизодически в контекстах иных эпох, стали атрибутами современности, а поэтому именно для нее напряженное противоречие морали и политики стало «судьбой». Хотя данное противоречие не разрешимо в принципе, оно не может не разрешаться в конкретных политических актах, всегда протекающих в модусе «здесь и сейчас»... Однако политический акт, снявший в себе противоречие морали и политики, тут же воспроизводит его вновь в ближайших своих следствиях. Так проявляет себя природа необходимости противоречия морали и политики» [4, с. 34].

Следует учитывать целый ряд специфических особенностей данных феноменов.

Мораль, как известно, всепроникающа, носит всеобщий характер, регулируя жизнедеятельность как отдельных людей, так и социальных групп и общества в целом. Мораль «бестелесна», не имеет вещественных форм проявления в институтах власти, лишена центров управления и средств связи. Мораль существует как бы виртуально, в идеалах и принципах, обнаруживаясь в речи, в поведении. Моральные нормы, чтобы стать регулятором поведения, должны проникнуть в сознание человека, стать его убеждением, принципом, ценностью, должны пройти через внутренний выбор человека. Политическими же нормами в определенной степени легче объективироваться, так как они обладают обязательным характером, подкрепленным санкциями государства.

Временные рамки действия принятых в обществе моральных норм намного шире тех отрезков истории, когда считаются приемлемыми политические нормы и принципы. Мораль есть область такого справедливого или должного, которое воспринимается как вечное, вневременное, абсо-

лютное, возвышенное, выдержавшее испытание веков, не зависящее от времени и обстоятельств. Правовые же и политические нормы есть справедливое и должное на известный период времени и в конкретных условиях. Политика органически связана с интересами и потребностями людей.

Если политическое сознание заставляет человека оценивать события и поступки с точки зрения пользы, эффективности в достижении целей, то мораль помещает эти же вопросы в плоскость взаимоотношений добра и зла. Причем мораль в общей форме определяет, что есть зло, а политика измеряет степень этого зла с учетом конкретной ситуации.

Политические отношения в значительной мере ассиметричны: одним людям в отношении других людей позволено то, что не позволено последним в отношении первых; эти отношения, таким образом, исключают «золотое правило» нравственности. Всякая личность – единица общества, его «одна n-ная». Мораль же «симметрична», так как исходит из признания за каждой отдельной личностью ее абсолютного достоинства, самостоятельности, суверенности, равенства с другими. Если для нравственного самоутверждения достаточно духа одиночки, то для политического лидерства самоустраненность, изоляция от общества неприемлемы.

Еще одно различие между рассматриваемыми понятиями проявляется в ситуации, когда из двух зол приходится добровольно выбирать зло меньшее, чтобы не дать осуществиться злу большему. Отказ от подобного выбора в политике – «донкихотство». Но для морали выбор зла, пусть даже меньшего, – нечто неестественное, она не ищет выгоды, она самоценна.

Если взять, к примеру, внешнюю политику, отношения государств друг с другом, то они строятся на принципе эгоизма национальных интересов каждой из сторон. Конечно, декларации принципов международных отношений звучат как вполне моральные, однако ни о каком бескорыстии в государственных отношениях и речи быть не может. С точки зрения морали бескорыстие индивида, граничащее с жертвенностью, – критерий вечной нравственности. Но государства, которые выражают интересы своего народа, определяют судьбы миллионов людей, не могут быть жертвенными. «Никто не имеет права быть бескорыстным, имея дело с интересами других людей» [5, с. 107].

Известный американский экономист и социолог Дж. Гелбрейт как-то сказал, что политика – это выбор между гибельным и малоприятным. Практически та же мысль выражена и Вацлавом Гавелом, который отметил, что в политике невыбор между двумя неидеальными альтернативами

хуже, чем выбор худшей альтернативы. Невыбор в политике – моральное зло, нередко более тяжкое, чем выбранное зло. Избегая этого зла, политика решает неразрешимые при ориентации на моральные абсолюты дилеммы.

Этика долга подразумевает повиновение долгу несмотря ни на что. В политике случается, что за последствия исполнения долга платит не тот, кто долгу повинуется. Если же плата за исполнение морального долга перекладывается на плечи других, то это аморально. Нельзя в политике следовать исключительно этике убеждения, пытаться остаться нравственно чистым перед своей совестью, сохранить собственную моральную безупречность за счет других, за счет народа. Нужно заботиться о последствиях для общества своих «совестливых» поступков.

Все различно в морали и политике: их цели, характер их норм, их санкции, психологические источники. Именно поэтому отношения политики и морали характеризуются определенной степенью антиномичности. И хотя между моралью и политикой всегда остается зазор, невозможно вообразить абсолютный метафизический антагонизм между моралистом и реалистом. Ни один моралист не может полностью отделить этические соображения от политических, и никакой реалист не может полностью отказаться от понятий добра и зла. В политике, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать человеческое измерение, которое невозможно втиснуть в рамки теорий, моделей.

Таким образом, политика всегда была, есть и будет сферой особенно опасной социально безнравственности, так как по своей сути политика является деятельностью, посредством которой определяются судьба страны, поколений, проекты будущего. Безнравственность может выразиться в напрасных жертвах, неоправданных ожиданиях, затратах времени, в неудаче или дискредитации политического проекта, в напряженных отношениях власти и общества, между властями разных уровней и типов, внутри институтов и между ними и т.д. Ошибки, неправота сторон того или иного конфликта, особенно если конфликт обусловлен соображениями практики, самолюбия, карьеры, чувством обиды, легко принимают характер нравственных коллизий. Неадекватная целям общества и требованиям времени политика безнравственна, ибо речь идет об ответственности и долге общественных и исторических масштабов, выходящих за рамки текущей политики.

Власть, для которой характерно отсутствие четких нравственных позиций, неизбежно превращает цинизм, насилие над личностью, коррупцию, криминализацию правления в доминирующие нормы, способствуя тем самым

дезинтеграции общества. В случае попрания моральных норм искажается сама политическая идеология, ее воплощение приносит тяжелые последствия народу.

С другой стороны, морализм в гипертрофированной форме, вытесняющий критерии объективной оценки ситуации наивными абстрактными пожеланиями, оторванными от жизни требованиями, также опасен. Он ведет к потере здравого смысла, оборачивается неэффективностью политики, социальными катаклизмами.

Полностью оторваться от морали политика не может, ибо это рано или поздно ведет к компроматной самой политики. Соотношение морали и политики должно носить компроматный характер. На это указывал М. Вебер. Он отмечал, что этика в любом случае должна учитывать особенности политики. В этой связи мыслитель различал мораль как этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений предполагает строгое следование нравственным требованиям, нормам, независимо от результатов политических действий. Этика же ответственности предполагает учет особенностей конкретной ситуации, ориентацию политики на ее результаты, ответственность политиков за судьбы страны, народа, их готовность предотвратить большее зло, используя порой малопривлекательные средства, представляющие зло меньшее.

Обратимся теперь к ответственности ученых (историков, философов) за интерпретацию исторического прошлого. Поль Рикер отмечал, что историю событий в современных условиях сменила история интерпретаций. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Сам Господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлого, а историки постоянно его меняют. Характер и содержание интерпретации – это объект исторической ответственности исследователя.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должно основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необ-

ходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. При интерпретации важно учитывать исторический контекст. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк, – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. “Другой” не означает “чужой”. Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция “инаковости” – постулат исторического познания» [6, с. 77].

Исследования исторического прошлого – это не просто отыскание ранее неизвестных факторов и их описание. Позитивистский подход к изучению истории малопродуктивен.

В XIX веке исследователи истории отдавали предпочтение фактам, стояли на позитивистских позициях. Факт трактовался как убедительная основа объективности исторической науки. Задача ученого виделась в описании фактов, в ответе на вопрос: как все происходило, а не почему это происходило? Такой позитивистский подход вскоре показал свою ограниченность. Разве задача исследователя истории заключается только в том, чтобы описать, как происходили войны, революции и т.д. Ведь главная цель – выяснить причины событий, их влияние на судьбы стран и целого мира. Но при ответе на вопрос «Почему?» историк (или философ) всегда руководствовался определенной философской парадигмой, идеологическими предпочтениями. От этого никуда не уйдешь. Вне их исторической картины быть не может. Факт всегда социален и выступает единством объективного и субъективного. В конечном счете мы имеем дело не с голыми фактами, а фактами концептуализированными (М. Барг).

Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, мы никуда не денемся от причин произошедшего, тенденций развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией и идеей, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оцени-

вать события 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк... лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [7, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформальной концепции, а также интерпретационно-ценностными исследовательскими установками [7, с. 35].

Истина в историческом исследовании не является в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их интеракциях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длящийся и обратимый характер этого процесса... предъявляет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества» [8, с. 67]. Как здесь не вспомнить слова Ф. Бэкона о том, что истина – дочь времени.

Интерпретация исторического прошлого связана, как уже отмечалось, с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно зависит от мировоззрения, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, иде-

ологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории. При этом речь идет об идеологических спекуляциях не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем. История становится мощным политическим оружием.

Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструировании образа прошлого [9, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, быстро действовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Заключение. История стала мощным оружием информационной войны. Фальсификация истории – это не просто извращение прошлого, она направлена в будущее, призвана изменить ход мировой истории по лекалам либеральных идеологов. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Вот почему возрастает ответственность ученых за то, как мы распоряжаемся историческим наследием. События страны интерпретируются специалистами в строгом смысле этого слова, а не сплетниками от истории и не интриганми-политиками.

Формирование исторической памяти, ее сохранение – это часть технологий, которые могут и должны укрепить устои государства.

Историческое исследование судьбоносных для общества событий всегда идеологично, в противном случае автор перестает нести ответственность перед запросами общества. Деидеологизация истории противоречит ее сути, так как не является перечнем антикварных фактов.

При этом важно помнить и другое: история не может быть служанкой идеологии. Историческая ответственность исследователя несовместима с фальсификацией исторических фактов или их отражением, когда концентрируется внимание на одних событиях в ущерб другим. Важно, чтобы уничижительные оценки, ярлыки, ничем не подкрепленные пассажи и выводы не дискредитировали историю. Сегодня обществоведы обладают свободой творчества, которая и выступает мерой ответственности за прошлое, настоящее и будущее.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Мораль и проблема выбора в политике / Е.Э. Кривоносова // *Вестн. Віцеб. дзярж. ун-та.* – 2003. – № 4(30). – С. 17–24.
2. Красавин, И.В. Историческая ответственность: учеб. пособие / И.В. Красавин, И.А. Симонова, Д.А. Томильцева. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – 98 с.
3. Беляева, Е.В. Историческая ответственность за добро / Е.В. Беляева // *Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 22–23 сент. 2016 г.* / под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – С. 106.
4. Капустин, Б.Г. Критика политического морализма / Б.Г. Капустин // *Вопросы философии.* – 2001. – № 2. – С. 33–55.
5. Шлезингер, А. Циклы американской истории / А. Шлезингер. – М.: Прогресс, 1992. – 686 с.
6. Гуревич, А.Я. Двойная ответственность историка / А.Я. Гуревич // *Общественные науки и современность.* – 2007. – № 3. – С. 74–84.
7. Хвостова, К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К.В. Хвостова // *Вопросы философии.* – 2012. – № 7. – С. 27–37.
8. Табачков, А.С. Интерпретация как способ незнания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 96 с.
9. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 506 с.

Поступила в редакцию 16.10.2017 г.